

бы назвать субъект-объектной проблематизацией темы. И, наконец, нельзя не отметить, что совсем не приметен разговор о науке, о ней явно мало упоминаний; ее место заняла философия, — именно по ее поводу мы реконструировали позицию Хайдеггера (безусловно, в контексте интерсубъективности). И в этой связи совсем непривычно звучали традиционно гносеологические вопросы о знании, языке, истине — они не узнаваемы из-за их нерационалистической трактовки. Тем самым неклассичность позиции Хайдеггера видится мне в том, что оказались подрванными все ранее (по Гуссерлю) изложенные установки новоевропейской философии.

И последнее оценочное суждение, которое хотелось бы высказать. Тема интерсубъективности, как в фокусе, преломила в себе целостные позиции обоих философов, тем она и интересна.

Н.В.Суслов

ЧЕЛОВЕК И ДРУГОЙ: ЗАХВАЧЕННОСТЬ БЫТИЯ В ЯЗЫКЕ

1. Человек преисполнен отрицательностью, негативностью. Эта негативность неутилитарна. Там, где человек уничтожает, чтобы потреть, израсходовать, он не отличается от животного. Он становится самим собой там, где уничтожение оказывается предельно возможным для человека эксцессом — принесением жертвы.

2. Любое осуществляемое человеком жертвоприношение предполагает Другого, инстанции, которой предназначено уничтоженное. Другой — не завоеватель, требующий дани: человек жертвует не по принуждению, а свободно. Но он и не друг: другу не жертвуют, а, скорее, дарят. Человек приносит жертву находящемуся по ту сторону своего и чужого, по ту сторону образований. Поскольку жертвоприношение может состояться только по отношению к тому, что дает место жертвоприношению, он жертвует жизни, восхождению, пребыванию жертвоприношения. Другой человека — это само бытие человеческого жертвенного мира³⁸.

Жертвенность, таким образом, есть жертвенность человека Другому благодаря Другому.

3. Не являясь образованием, особым миром наряду с миром человека, Другой парадоксален. У него не может быть никаких обычных свойств, которые бы он обнаруживал в связи с человеческим космосом и которые обнаруживаются у образований в их связи друг с другом. Другость Другого — и его свойство-отношение, и он сам, Другой — и носитель дружости как своего свойства-отношения, и сама дружость. Другой дан в качестве инстанции, дружость которой человеку есть сама эта инстанция, которая, таким образом, есть дружость.

4. Человеческая жертвенность неисчерпаема. Динамика жертвоприношения — это динамика его нарастания. Жертвенно-разрушительная работа, остановившаяся в своем развитии, ставшая нормой, превращается в обычный расход, часть повседневного существования, утрачивает присущую ей эксцессивность. Но если это так, то нарастание

³⁸ Глаголы *жить*, *восходить* и *пребывать*, по мнению М.Хайдеггера, являются ключевыми в этимологии слова *бытие* (см.: Хайдеггер М. Введение в метафизику. СПб., 1997. С. 150—153).

жертвенности само должно нарастать, причем нарастать, очевидно, должно и нарастание нарастания жертвенности, нарастание нарастания нарастания жертвенности и т.д.

Дело, однако, этим не ограничивается. Эскалация жертвенности не приходит к жертвованию извне — она присутствует в нем изначально, иначе жертвоприношение все равно оказалось бы во власти у неэкспессивного. Это значит, что весь бесконечный ряд степеней нарастания жертвенной разрушительности сам должен быть принесением жертвы, каковой для нее выступает весь бесконечный ряд степеней нарастающей жертвенной разрушительности. В своей жертвенно-разрушительной работе человек не просто не может остановиться на достигнутом — он обращает ее и на свою жертвенную разрушительность. Он жертвует всем, даже принесением в жертву. Его специфическая негативность бесконечно преодолевает саму себя, оборачиваясь собственной тенью. Но тень отрицательности отрицательности не отменяет: быть собственной тенью — способ развертывания негативности человека.

5. Неисчерпаемость человеческой жертвенности отвечает неисчерпаемости Другого. Другой не может не усиливать постоянно свою дружость потому, что в противном случае он окажется привычным Другим, то есть уже не Другим, а чужим или своим. Чтобы не исчезнуть, что было бы эквивалентно исчезновению самой дружости, усиление дружости безостановочно поднимается с уровня на уровень. Поскольку дружность не поддается никакой внешней детерминации, поскольку она задана, такого рода эскалация дружости всегда принадлежит самой дружости. По этой причине все бесконечное усиление дружости представляет из себя осуществление дружости в отношении всей бесконечно усиливающейся дружости, то есть всех и количественно и качественно уходящих в бесконечность состояний Другого.

6. Однако если усиление дружости выступает бесконечной дружостью в отношении усиливающейся дружости и если оно при этом остается самой дружостью, то есть дружостью человеку, то Другой как дружость, в силу своей неисчерпаемости, дан человеку всегда только в виде дружости своей дружости — в качестве призрака Другого, который, тем не менее, и есть сам Другой. Другой постоянно заслоняет себя собой, он неизменно сокрыт, но эта его сокрытость — единственно возможная форма его открытости человеку.

7. Жертвоприношение происходит в языке, чем бы ни были означающие последнего: физическими телами, жестами, звуками или следами чернил на бумаге. Все вошедшее в процесс означивания неизбежно разрушено как таковое и так сохранено, чтобы быть переданным. Поскольку «в речи умирает то, что дает жизнь слову» и поскольку «слово воплощает эту смерть»³⁹, язык необходим жертвенной негативности. Конечно, разрушительной силой обладает и труд. Однако только язык, во-первых, коммуникативен, а во-вторых, способен вырываться из утилитарности, перенося разрушенное уже не от субъекта труда к субъекту труда, но именно от человека к Другому. Принятое субъектом, оно остается просто разрушенным, принятое Другим — обретает статус жертвы.

8. Жертвенная разрушительность языка, каковой оказывается, таким образом, жертвенная разрушительность человека, опирается на опред-

³⁹ Бланишо М. От Кафки к Кафке. М., 1998. С. 37.

мечивающую силу языковой сферы. Язык уничтожает потому, что навязывает предметность. По причине неисчерпаемости жертвенной разрушительности уничтожение языковой предметностью постоянно нарастает, причем нарастание уничтожения предметностью означает и нарастание нарастания уничтожения предметностью, нарастание нарастания нарастания уничтожения предметностью и т.д. Поскольку безостановочная эскалация разрушительной работы языка входит в само существо языковой разрушительности, эта разрушительность оборачивается тем, что бесконечный ряд степеней нарастания уничтожения предметностью разрушает бесконечную последовательность степеней нарастающего уничтожения предметностью. Умерщвляющая опредмечивающая сила, которой обладает язык, как выясняется, сама является умирающей, однако только эта умирающая опредмечивающая сила и умерщвляет.

9. Язык в качестве формы осуществления жертвоприношения принадлежит человеку. Другой не говорит, и потому речь человека — не речь Другого. Однако поскольку жертвенность — это жертвенность человека, но благодаря Другому, постольку и язык, будучи человеческим языком, все же именно в Другом находит гарантию своего существования. Место опредмечивающей силы языковой сферы и определяемой этой силой предметности дает, следовательно, Другой.

10. Исходя из наших нынешних взаимоотношений с бытием можно говорить о ряде форм человеческой жертвенности и ряде скрывающе-раскрывающих обликов Другого, которым они соответствуют.

Логически первый акт жертвенной негативности человека — это убийство вещей. Язык убивает вещь тем, что вырывает ее из вещной жизни и заставляет жить в речи. Но у вещи, которая не живет, а вынуждена жить, отнимают не только естественную жизнь — она остается и без права на естественную смерть. В этом смысле убийство вещей языком означает и убийство их смерти, своего рода навязанную им вечность.

11. Вещи, умерщвленные в языке, — вещи представленные, то есть уже не вещи, а предметы, своего рода трупы вещей. Предметность, которую конституирует язык, уничтожающий вещьность, хорошо оформлена. Это значит, что в ней достаточно различимы, во-первых, с одной стороны — структура пространственная, с другой — структура временная, во-вторых, с одной стороны — предметы, с другой — отношения между ними.

12. Различие пространственной и временной структур предметности вытекает из того, что в своей разрушительной работе язык в данном случае навязывает вещам оппозицию сосуществования (прежде всего в языке как коде) и последовательности (прежде всего в языке как речи) элементов. Разделение сферы предметов на предметы и их отношения имеет иную причину — оно обусловлено тем, что предложения этого языка создают предметность на двух уровнях.

На первом, логико-грамматическом, оформляются явления, выражаемые словами, которые находятся в позициях субъекта, подлежащего, темы (то, о чем говорится) и предиката, сказуемого, ремы (то, что говорится) высказывания⁴⁰. Это и есть предметы как таковые. На вто-

⁴⁰ Пары понятий *субъект — объект, подлежащее — сказуемое и тема — рема* близки, но полностью, конечно же, друг с другом не совпадают (см.: Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1998. С. 5—11).

ром уровне, синтаксическом, выделяется то, что чаще всего фиксируют глагольные формы активного или пассивного залогов (в предложениях типа *Строители сооружают мост* и *Мост сооружается строителями*). Это и есть отношения между предметами, ведущие из которых — отношения динамические, силовые. Отношения предметов, однако, могут быть выражены и образованными от переходных глаголов существительными. В предложении последние сочетаются с генитивами слов, обозначающих пациенс или, реже, агенс регистрируемого этими существительными действия или его результата (таковы *сооружение моста* и *сооружение строителей*).

(Проблеме уровней членения предложения много внимания уделяет В.З.Панфилов. С его точки зрения, они соответствуют уровням выражаемого предложением суждения. Синтаксическое членение находится в корреляции со структурой суждения как пропозициональной функции, логико-грамматическое изоморфно его субъектно-предикатной структуре. В свою очередь, «каждая из этих структур мысли обусловлена одной из объективно присущих ей сторон, а именно: если суждение как пропозициональная функция фиксирует ту или иную объективную ситуацию, образуемую какими-либо объектами в их отношениях, то субъектно-предикатная структура обусловлена направленностью, ходом познания данной ситуации»⁴¹. Но для В.З.Панфилова референтом предложения, таким образом, является не предметность, а объекты, то есть нечто внешнее данному отрезку речи. Это следствие иного, чисто гносеологического, подхода к языку.)

13. Жертвенный язык, умерщвляя вещи, совершает, следовательно, не только разрушительную, но и — самым решительным образом — созидательную работу. В этом плане предметность, которую он конституирует, радикально положительна. Своим существованием она обязана радикально положительному же Другому — бытию, выступающему в облике однозначного Нечто (Материя, Субстанция, позитивная Природа, Идея, утверждающий мир Бог и т.д.).

14. Если, однако, остаться на стороне уничтожаемых вещей, картина выглядит совершенно иначе. Предметность оказывается для них олицетворением безжалостной негативности, вселенской катастрофы. Для вещей за этим радикально отрицательным предметным стоит Другой, открывающийся как ужасный провал, куда они проседают, как бытие-однозначное Ничто (всепоглощающий Хаос, разрушительная Стихия, леденящая душу Смерть, вызывающий мистический ужас Бог и т.д.). «Ничто никогда не ничтожно... оно — само бытие» — это высказывание М Хайдеггера относится к данному случаю⁴².

15. Второй акт жертвенной негативности человека представляет из себя убийство убийства вещей. В данном случае язык как бы стремится оживить вещи, а значит, и вернуть им право на их естественную смерть. Он пытается добиться этого, используя свою собственную вещьность. Предоставим слово М.Бланшо: «Я говорю *цветок!* Но упоминая его, отсутствующего, предавая образ, даримый им, забвению, в недрах этого нелегкого слова, которое само предстает как незнакомая вещь, я стра-

⁴¹ Панфилов В.З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. М., 1982. С. 128.

⁴² См.: Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 62.

стно призываю мрак самого цветка, аромат, сквозящий во мне, хоть и неосязаемый, пыльцу, овеявшую меня, хоть и невидимую, цвет намеченный, хоть и лишенный света. Откуда же надеюсь получить то, от чего отказался? Из вещества языка, ибо слова тоже оказываются вещами, природой, давая мне больше того, что я в них смыслю. ...Главную роль начинает играть все физическое: ритм, вес, масса, знак, затем — бумага, на которой пишут, след чернил, книга»⁴³. Язык теперь сливается со своей физической работой, и уловить голоса вещей — значит расслышать ее шум. Если древние греки, как заметил Р. Барт, вслушивались в «трепет Природы», то мы стоим перед необходимостью вслушиваться в «гул языка». Ибо для современного, тоскующего по вещам, человека «этот язык и составляет Природу», дающую вещи»⁴⁴.

16. Однако возрождения изначальной вечности, вещей первого порядка, не происходит. Языковое жертвоприношение и при уничтожении уничтожения вещей остается языковым жертвоприношением — действием опредмечивающей силы языка. То, что возникает в результате ее действия, — по-прежнему предметность, правда, предметность второго порядка, уподобляющаяся вещному, своего рода предметность-вещность. Вещи первого порядка и здесь существуют «вне самих себя», хотя они и представлены уже не концептуальной, а исключительно материальной стороной языковой сферы. Вещность языка, столь значимая на этом этапе жертвоприношения, не спасает: она в любых ситуациях не может не быть модифицированной, вещностью второго порядка, — физические явления выполняют языковую работу только в той мере, в какой оформляют. Дело лишь в том, что бывшая ранее сугубо внешней оформленность предметного ритмом, весом или массой становится теперь его непосредственной, внутренней оформленностью.

17. Но верно и другое: языковое уничтожение уничтожения вещей — это именно новый акт в развертывании человеческой жертвенности. Радикальная позитивность, утвердительность, характерная для предметности первого порядка в аспекте созидательного функционирования языка, в данном случае существенно смягчена: предметность второго порядка уже не противостоит умирающей вечности, а берет ее в союзники. С этой точки зрения предметное второго порядка жертвенно в связи с Другим как бытием-умеренным Нечто (бытие в качестве уходящего вдаль Горизонта положительности).

18. Однако по той же самой причине смягченной оказывается и отрицательность предметного-вещного, которую оно обнаруживает в отношении уничтожаемых вещей. Вещи здесь не мертвы — им навязано состояние умирания. С этой стороны предметность второго порядка существует благодаря Другому как бытию-умеренному Ничто (бытие в качестве Игры отрицательности).

19. Третий акт человеческой жертвенности находит свое выражение в убийстве убийства убийства вещей. Он — не воспроизведение первого акта, пусть и «на новой основе». Чтобы сохраниться, жертвенная разрушительность языка должна полностью разрушить обе свои предшествующие формы. И она достигает этого единственно возможным способом: уничтожение вещей, а значит, и уничтожение их уничтоже-

⁴³ Бланшо М. Указ. соч. С. 38.

⁴⁴ См.: Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 544.

ния она уничтожает благодаря уклонению от уничтожения вещей, с помощью своего рода видимости уничтожения, которая, тем не менее, остается уничтожением.

20. Может показаться, что уклонение от убийства вещей осуществляется уже на второй стадии языкового жертвоприношения. Но если исходить из ее специфики, то это не так. Второй акт жертвенности, взятый сам по себе, имеет целью возвращение изначальной вещности. Он, следовательно, ориентирован не на уклонение от предметности, а на ее прямое упразднение. И то, что избавиться от предметности в его рамках все же не удастся (поскольку в конечном итоге убийство убийства вещей все равно направляется не чем иным, как опредмечивающей силой языка), сути дела нисколько не меняет.

21. Однако между вторым и третьим актами языкового жертвоприношения есть и еще одно весьма существенное отличие. Второй акт человеческой жертвенности имеет завершение. Там, где начинается убийство убийства убийства вещей, убийство их убийства прекращается. Но там, где к работе приступает уклонение от уклонения от уничтожения вещности или такого рода уклонение в любой более высокой степени, — там (если речь идет именно об уклонении, а не о прямом упразднении) мы сталкиваемся ... все с тем же уклонением от уничтожения вещей. Представить себе завершение третьего акта жертвоприношения, оставаясь в рамках того мыслительного движения, которое диктуется нам, повторюсь, характером наших нынешних взаимоотношений с бытием, по всей видимости, невозможно.

22. Предметность третьего порядка, предметность как уклонение от предметности, конституируемая языком на сей раз, оформлена, но ее оформленность есть уход от оформленности.

Прежде всего, в сфере этой предметности отсутствует разница пространственной и временной структур: структурированности пространственной предметности третьего порядка избегает, бесконечно смещаясь из плоскости синхронической в направлении плоскости диахронической, структурированности временной — находясь в постоянном движении из диахронии в синхронию. Этот никогда не завершающийся процесс трансформации пространственных различий во временные и процесс обратный Ж.Деррида назвал, соответственно, «овременением», «становлением-временем пространства» и «опространствлением», «становлением-пространством времени»⁴⁵. Отсюда следует, что элементы языка, убивающего убийство убийства вещей, и не сосуществуют, и не следуют друг за другом.

23. Сфера предметности третьего порядка, далее, лишена и разделенности на предметы и их отношения. Феномены этой предметности никогда не воздействуют друг на друга, а всегда перетекают один в другой, причем так, что любой из них в итоге есть поток и, более того, каждый погружен в каждый. Крайняя условность границы между феноменами-потоками, с одной стороны, и их отношениями друг к другу, с другой, — свидетельство того, что категории логико-грамматического и синтаксического к языку третьего акта человеческой негативности, по всей видимости, не применимы. Способы высказывания предметности, уклоняющейся от предметности, поэтому так или иначе отходят от

⁴⁵ См.: Деррида Ж. Голос и феномен. СПб., 1999. С. 176.

наиболее типичных логико-грамматических и синтаксических норм языка, высказывающего предметность первого порядка.

24. Довольно часто феномены-потоки-отношения представлены уходящими от оппозиции залога активного и залога пассивного безличными глагольными формами на -ся. Такова, например, форма *живется* в вопросе *Как вам живется?* (По мнению Н.Д.Арутюновой, такого рода конструкция «образовалась под воздействием, с одной стороны, возвратных глаголов со значением состояния (*радоваться, печалиться*), а с другой — возвратно-пассивных форм. К первым тяготеют глаголы типа *хотеться, думаться, верить* и др. Они допускают инфинитив, хотя он не употребителен. Ко вторым — формы типа *читается, пишется, написано, спросилось*, которые, подобно страдательным формам, не имеют инфинитива. Между этими категориями расположена большая зона глаголов среднего залога, к которым примыкает возвратный постфикс, придающий глаголу значение произвольности действия или состояния: *зевалось, скучалось, заснулось, не уходилось* и пр. Глагол стремиться утратить актантную рамку. Пассив, если в нем видеть источник безличного употребления переходных глаголов, теряет обе именные позиции — объекта и агенса. «Оголенная» форма глагола более всего употребляется в среднем роде...»⁴⁶).

Характерными для языка третьего акта человеческой жертвенности являются, далее, и существительные в значениях, восходящих к данным глагольным формам, из чего следует, что и различие между глаголами и существительными в нем тоже относительно. Именно такими выступают *бытие* и знаменитое *различие* Ж.Деррида. (Ж.Деррида поясняет: «В рамках концептуальности и в соответствии с классическими требованиями «различие» как будто обозначает конституирующую, производящую и первоначальную каузальность, процесс распада и разделения, различные элементы или различия в котором являются, очевидно, созданными продуктами или эффектами. Но подводя нас к инфинитивному и активному ядру *différer* [отсрочивать, откладывать; различаться, отличаться (*франц.*) — *Н.С.*], «различие» (*différance* с *a*) нейтрализует то, что инфинитив выявляет в качестве просто активного. ... то, что позволяет обозначать себя посредством «различения», не выступает ни попросту активным, ни попросту пассивным — оно объявляет или призывает скорее что-то подобное среднему залогу, гласящему об операции, которая не является операцией, которая не дает возможности мыслить ее ни как страдание, ни как воздействие субъекта на объект; ни исходя из действующей силы, ни исходя из подверженного действию предмета; ни исходя, ни в виду какого-либо из этих *пределов* [*termes*]. Итак, средний залог, некая нетранзитивность, есть, может быть, то, к чему философия, конституирующая себя в этой репрессии, подошла, прежде всего разложив его на залог активный и залог пассивный»⁴⁷).

Наконец, внутренняя причастность одного феномена другому в языке, убивающем убийство убийства вещей, выражается сочетаниями существительных-глаголов, обозначающих первый из них, с генитивами существительных-глаголов, обозначающих второй; при этом референт генитивов соединяет в себе черты и пациенса, и агенса. Таково

⁴⁶ Арутюнова Н.Д. Указ. соч. С. 803.

⁴⁷ Деррида Ж. Указ. соч. С. 177—178.

хайдеггеровское *захваченность бытия*. (М.Хайдеггер в этой связи пишет: «Мысль есть l'engagement par l'Etre pour l'Etre [захваченность Бытием для Бытия — *франц.*]. Не знаю, позволяет ли французский язык сказать то и другое (par и pour) сразу, примерно таким образом: penser, c'est l'engagement de l'Etre [мысль есть захваченность Бытия — *франц.*]. Эта форма родительного падежа de l'... призвана выразить, что родительный тут одновременно родительный субъекта и родительный объекта. При всем том «субъект» и «объект» малоуместные рубрики из области метафизики, которая в очень ранние века в образе западной европейской «логики» и «грамматики» подмяла себя под истолкование языка. Что кроется за этим процессом, мы сегодня можем только догадываться. Высвобождение языка из-под грамматики на простор какой-то более исходной сущностной структуры препоручено мысли и поэзии»⁴⁸).

25. Существование предметности третьего порядка обращено еще к одному лику Другого — бытию как Уклонению от радикального, а значит, и умеренного Нечто. Но, вместе с тем, это и Уклонение от радикального и умеренного Ничто.

Д.В.Анкин

ПРОБЛЕМА ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТИ ФИЛОСОФИИ В КОНТЕКСТЕ КЛАССИЧЕСКОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ИСТИНЫ⁴⁹

«In vino, возможно, и «veritas»,
но в трезвом разговоре — «verum»».

Дж.Остин.

1. ИСТИННОСТЬ И ФИЛОСОФИЯ

Прежде, чем говорить о возможности или невозможности истинностной оценки философии, следует определить: в свете *какой* концепции истины мы будем ее рассматривать. Нашей метафилософской позицией будет классическая концепция истины, однако существуют различные интерпретации последней, что вынуждает нас начать со своего собственного истолкования. Впервые определение истины в качестве соответствия наших знаний действительности стал последовательно разрабатывать Аристотель (позиция Платона, несмотря на отдельные высказывания в духе корреспондентной концепции, больше склонялась к онтологическому пониманию), его определение стало самым влиятельным на протяжении более чем двух тысячелетий и поэтому называется классическим. Представляется, что классическое определение, несмотря на все возникающие проблемы, наилучшим образом раскрывает *познавательное* значение истины. Классическое определение является своего рода абстракцией, предназначенной для анализа в первую очередь познания, так как категория *истины* может использоваться и за рамками теории познания — в онтологии, этике и других областях философии (неклассические концепции обычно связаны с негносеологическим употреблением данной категории).

⁴⁸ Хайдеггер М. Время и бытие. С. 193.

⁴⁹ Данное исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект РФФИ № 99-06-80317); также Министерства образования РФ: проект «Трансцендентальная семантика», шифр ГОО-1.1.-92.